

Анатолий Семенович Аникеев

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва
dav_bowie@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5945-294X

Людмила Васильевна Кузьмичева

кандидат исторических наук
Доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет
kuzmicheva3@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7671-6492

*«Я, по природному влечению, был лично настроен к войне.
Письменных занятий я не люблю».*
М. Г. Черняев, *Автобиография*

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1876 Г. В ЖИЗНИ И КАРЬЕРЕ ГЕНЕРАЛА М. Г. ЧЕРНЯЕВА

Аннотация: Личность генерала М. Г. Черняева и его роль в сербо-турецкой войне 1876 г. получили в историографии неоднозначную, чаще негативную оценку. М. Г. Черняев, безусловно, не принадлежал ни к выдающимся полководцам, ни к прогрессивно мыслящим общественным деятелям, но ему нельзя отказать в искренности и бескорыстии его намерений, в желании помочь сербскому народу в его справедливой борьбе. В статье анализируется собственный взгляд М. Г. Черняева на характер и ход войны, а также то, как он оценивает свое участие в ней, как объясняет причины таких своих неожиданных инициатив, как признание князя Милана королем Сербии. Особого внимания заслуживает представление Черняева о характере сербского государственного устройства и специфики сербского общества.

Ключевые слова: Сербия, сербо-турецкая война 1876 г., М. Г. Черняев, Милан Обренович, Филипп Солусбери.

Холодной зимой 1922 г. по льду Финского залива, заплатив из последних денег проводнику, бежала из Советской России немолодая женщина – Антонина Михайловна Черняева – старшая дочь генерала Михаила Григорьевича Черняева (1828–1898). Ей, единственной из семьи удалось вырваться из большевистской России, ее мать скончалась в 1919 г., а три ее сестры остались в России и попытки вызволить их не удались.¹

Из Финляндии она обратилась за помощью к югославскому королю Александру Карагеоргиевичу и известному политику Николе Пашичу.² Не получив ответа, она обратилась к архитектору и библиофилу, бывшему управляющему двором в Павловске, служащему теперь при Дворе короля Александра Карагеоргиевича, Сергею Николаевичу Смирнову. Личный секретарь сестры короля Александра, Елены Петровны Романовой, Смирнов оказался с семьей в Королевстве СХС после заключения в тюрьмах Советской России. Шестимесячное заключение в Пермской тюрьме он разделил вместе с арестованной большевистскими властями Еленой Петровной Романовой.³

В Югославии Смирнов был принят на службу при Королевском Дворе в качестве архитектора и библиотекаря. Он пользовался при Дворе авторитетом и уважением, что позволяло ему хлопотать о королевской помощи беженцам из России.⁴ Взялся он и за дело помощи Антонине Михайловне Черняевой, в результате чего она получила денежное вспомоществование, часть которого смогла переправить сестрам в Россию. Она и сестры получили каждая по 3000 динаров.⁵ В 1923 г. Антонина Михайловна переехала в Королевство СХС, где и прожила 20 лет при поддержке Комиссии по делам русских беженцев. С началом войны, в 1941 г., она вновь уехала в Финляндию, где жили ее родственники по матери, урожденной фон Вульферт. Антонина Черняева умерла в возрасте 87 лет в доме престарелых в Финляндии 23 августа 1955 г., завещав весь свой архив, в основном содержащий материалы об ее отце, Обще-

1 D. MacKenzie, *The Lion of Tashkent: The Career of General M. G. Cherniaev*, Athens, 1974, 245.

2 Архив Југославије (=АЈ), Фонд 74, 21–191.

3 С. Смирнов, *В плену у царевичей*, Белград, 2016.

4 Л. В. Кузьмичева, *Сергей Николаевич Смирнов как организатор помощи русским эмигрантам в Югославии со стороны королевской семьи Карагеоргиевичей в 1919–1941 гг.*, 100-летие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2018, 91–103

5 D. MacKenzie, *The Lion of Tashkent*, 245.

ству по сохранению русских культурных ценностей в Париже, откуда эти документы попали в Институт социальной истории в Амстердаме⁶ (Международный институт социальной истории, сокращенно – МИСИ, а по-голландски – Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, сокращенно IISG), где хранятся и сейчас.

Антонина Черняева, любимая дочь генерала, которую он ласково звал Ниной и которой до конца жизни поверял свои размышления, фактически посвятила свою жизнь увековечиванию памяти отца, описанию его жизненного пути и реабилитации его в глазах общественности. Еще до революции она выступила с серией статей о различных этапах жизни и службы своего отца.⁷ В 1906 г. под псевдонимом «А. Михайлов» Антонина Черняева опубликовала о нем биографическую книгу,⁸ половину из которой составили письма и поздравительные адреса Черняеву от лица различных организаций и отдельных личностей с выражением слов восхищения его подвигами и благодарностями за его деятельность. Особого внимания заслуживает написанный ею в конце жизни большой текст «Жизнеописание М. Г. Черняева, составленное его дочерью Антониной Михайловной», рукопись которого хранится в Институте социальной истории в Амстердаме и сравнительно недавно была опубликована.⁹

Безусловно, труды Антонины Черняевой это самое субъективное мнение о деятельности генерала Черняева, но и кроме дочери были защитники его имени. Так, сразу после окончания войны общественное мнение как в России и Сербии, так и в Европе в целом разделилось на защитников и противников генерала. Может быть наиболее ярко мнения защитников Черняева проявились в некрологах по случаю его смерти 4 августа 1898 г. Все центральные периодические издания, такие как «Московские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости»

6 Ibidem, 248.

7 А. Черняева, *Государь император Александр III и М. Г. Черняев*, Исторический вестник 10 (1909), 152–157; Она же, *О М. Г. Черняеве*, Исторический вестник 12 (1909), 525–528; Она же, *М. Г. Черняев в Кишиневе*, Исторический вестник 6 (1913), 910–917; Она же, «Один из стаи славных (П. Г. Кузьминский)», Исторический вестник 4 (1914) 222–224; Она же, *М. Г. Черняев и сербский митрополит Михаил*, Русский архив 4 (1907), 305–308 и др.

8 А. Михайлов, *Михаил Григорьевич Черняев: биографический очерк А. Михайлова: с приложением выражений общественного к нему сочувствия*, Санкт-Петербург, 1906.

9 *Жизнеописание М. Г. Черняева, составленное его дочерью Антониной Михайловной*, в: М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*, под ред. А. А. Ширинянца, Москва, 2018, 260–405.

поместили некрологи, в которых высоко оценивали качества Черняева как военачальника, отмечая его решительность, смелость, находчивость и особенно подчеркивая его роль в деле патриотического подъема в России в 1876 г. в поддержку борющейся Сербии. Обзор этих некрологов представил журнал «Исторический вестник».¹⁰

Личности Михаила Григорьевича Черняева посвящено немало воспоминаний, научных статей¹¹ и обширная фундаментальная монография американского ученого Дэвида МакКензи.¹² Появилась монография о М. Г. Черняеве и в Белоруссии,¹³ где находилось его родовое имение Тубышки, ставшее и местом его последнего упокоения. Особое внимание у исследователей вызывало и продолжает вызывать участие М. Г. Черняева в войне Сербии с Османской империей в 1876 г. Эта тема волновала и российского историка А. Л. Шемякина, который не раз обращался к теме деятельности М. Г. Черняева в Сербии, уточняя в своих последних статьях свои предшествующие выводы.¹⁴ Представляется, что наиболее глубоким и всесторонним анализом деятельности М. Г. Черняева во время сербо-турецкой войны 1876 г. стала статья талантливой сербской исследовательницы Сузаны Раич.¹⁵

10 *Исторический вестник* 10 (1898), 401–407.

11 С. А. Кочуков, *Михаил Григорьевич Черняев*, Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов, Саратов, 2009, 149–156; Он же, *Русский Гарибальди (русский военный деятель Михаил Григорьевич Черняев)*, Чтения по военной истории, Санкт-Петербург, 2011, 131–136 О. Червинская, *Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М. Г. Черняева в рецепции Ф. М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя»)*, Исторична панорама 10 (2010), 41–66; В. В. Сергеенкова, *Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева*, Российские и славянские исследования VIII (2013), 304–308.

12 D. MacKenzie, *The Lion of Tashkent*.

13 Э. А. Корнилович, *Генерал славянской рати*, Минск, 2007.

14 А. Л. Шемякин, *Генерал М. Г. Черняев и сербская война*, Русский сборник. Исследования по истории России 2 (2006), 199–217; Он же, *Генерал М. Г. Черняев и Сербская война*, Токови историје 1–2 (2006), 7–28; Он же, *М. Г. Черняев и Сербия*, Величие и язвы Российской империи. Международный исторический сборник, состав. В. Б. Каширин, Москва, 2012, 187–200; Он же, *Генерал «от коммерции». М. Г. Черняев в Сербии в 1879–1881 гг.*, Токови историје 3 (2012), 361–378.

15 С. Рајић, „Руски крсташи“ у Србији 1876. године – једина нада за спас, Руски добровољци у Србији 1876. Тематски зборник радова / Русские добровольцы в Сербии 1876.: тематический сборник трудов, гл. и одг. ур. А. Ј. Тимофејев, Београд, 2022, 15–43.

В последнее время жизнь и деятельность Черняева стали предметом исследования коллектива российских ученых,¹⁶ предпринявших в 2014 г. публикацию документов и материалов о жизни и деятельности М. Г. Черняева,¹⁷ куда вошли и материалы архива Антонины Черняевой, хранящихся в Амстердаме. Хотя принципиально новых материалов сборник не содержит, но важно, что в этом первом собрании документов, посвященном М. Г. Черняеву широко представлены взгляды самого Черняева на перипетии его жизни и карьеры. В настоящем очерке мы, опираясь, в частности, и на материалы этого сборника, попытаемся понять, чем руководствовался полководец в своих действиях в ходе сербо-турецкой войны.

Абстрагируясь от морализаторских оценок личности Черняева как современниками, так и исследователями постараемся выслушать его самого. Общеизвестно мнение британского историка Эдварда Карра, о недопустимости историку в его анализе исторических личностей быть «судьей, выносящим смертный приговор», поскольку «те, кто столь яростно настаивают на моральном осуждении индивидуумов, иногда бессознательно обеспечивают алиби для целых групп обществ».¹⁸ Деятельность Черняева согласно этому положению нельзя рассматривать вне исторического контекста и характеристики российского общества в целом, и окружения генерала в частности.

На наш взгляд уничижительные характеристики, которые давали Черняеву исследователи его деятельности в Сербии, во многом определялись и продолжают определяться печальными результатами сербо-турецкой войны. Да, Черняев не был выдающимся полководцем, в чем-то даже авантюристом, но нельзя сбрасывать со счетов царящую в России атмосферу сочувствия славянам, подогреваемую славянскими комитетами. Вполне объяснимым было ожидание героя, «архистратига

16 Ю. А. Курдин, А. Р. Панов, «Что выгодно для России, то выгодно и для серба и для болгарина и для всего славянства» (сербско-турецкая кампания 1876 г. в свете переписки М. Г. Черняева с И. С. Аксаковым), *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* 71 (2020), 271–282; Ю. А. Курдин, А. Р. Панов, А. А. Ширинянц, *Поездка М. Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.)*, *Российская история* 5 (2022), 108–116; Они же, *Сербско-турецкая война 1876 г. в освещении австралийской прессы (на примере «Sydney Morning Herald»)*, *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского* 2 (2023), 39–47.

17 М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*.

18 Э. Карр, *Что такое история*, Москва, 1988, 69.

славянской рати», рыцаря без страха и упрека. Черняев, казалось, отвечал этим ожиданиям и страна творила себе кумира, которого требовали обстоятельства. Черняев во многом искусственно был воздвигнут в том числе и средствами массовой информации на пьедестал. Но кумиру не прощают поражения. И этот, в общем порядочный, но не очень талантливый полководец и политически узко мыслящий человек стал предметом оголтелой критики.

Даже враждебно настроенные современники Черняева все же не могли отрицать его искренности и самоотверженности. Белорусская исследовательница В. В. Сергеевкова полагает, что «Михаил Григорьевич Черняев — личность неординарная, бескорыстная, правдивая, честная, смелая».¹⁹ Действительно, в честности и бескорыстии генералу отказать нельзя. Его упрекают в тщеславии и амбициозности, в том, что в нем «весьма посредственные способности уживались с крайне гипертрофированным самомнением».²⁰ Но никто из исследователей не пишет о том, как сказала «авантюра» Черняева в Сербии на его фактически погубленной после этого военной карьере.

В качестве альтернативы негативным характеристикам генерала Черняева неожиданно искренне и честно прозвучали слова английского кавалериста-добровольца в сербо-турецкой войне Филиппа Салусбери: «... более добросердечного и мужественного солдата никогда не существовало, и даже его враги признавали, что он никогда не уступал противнику в мастерстве генерала, а просто уступал в численности».²¹ В своей книге о сербо-турецкой войне, в которой он принял активное участие, Салусбери пишет, что в отношении Черняева его трудно заподозрить в предвзятости, поскольку тот — единственный из русских, был с ним строг и никогда не проявлял благосклонности, не сказал ему ни одного доброго слова. И несмотря на это, более чем холодное к нему отношение Черняева, англичанин считает необходимым дать высокую оценку деятельности генерала:

«Генерала Черняева обвиняли на родине и за границей в его безрассудной тактике, но невозможно было бы найти другого человека, который мог бы добиться большего успеха в сложившихся обстоятель-

19 В. В. Сергеевкова, *Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева*, 308.

20 А. Л. Шемякин, М. Г. Черняев и Сербская война, 213.

21 P. H. B. Salusbury, *Two months with Tchernaijeff in Servia*, London, 1877, 274.

ствах. Он был храбрым, добросердечным человеком и тактиком намного выше среднего уровня. Конечно, он совершал ошибки, но они были такого характера, что, если бы он их не совершал, его бы обвинили в гораздо более серьёзных ошибках, поскольку он не опробовал другие планы, которые, в свою очередь, могли бы привести к провалу».²²

То, что Салусбери назвал свою очень искреннюю и честную книгу «Два месяца с Черняевым в Сербии» очень символично. На самом деле он провел эти два месяца на фронте в качестве помощника начальника штаба Черняева Дмитрия Петровича Дохтурова (1838–1905). В Сербию Дохтуров был командирован под видом добровольца российским военным министерством с тем, чтобы присылать ему донесения из Сербии. Дохтуров очень нравился Салусбери, он свободно владел английским языком и в отличие от Черняева был очень расположен к молодому англичанину. Тем не менее книгу свою он поименовал «с Черняевым», а не «с Дохтуровым».

Как же сам Черняев понимал свою миссию в Сербии, как он объяснял свои неожиданные для многих поступки во время войны? Дадим слово самому генералу Черняеву. Хотя в вынесенном в эпиграф статьи пассаже Черняев признается в своей автобиографии, что «письменных занятий» не любит, однако он оставил довольно обширное письменное наследие, в первую очередь эпистолярное. Оставим военным историкам право оценивать стратегические и тактические решения Черняева во время боевых действий²³, и обратимся к другим не менее важным вопросам деятельности Черняева в ходе сербо-турецкой войны. В автобиографиях и в письмах к своим адресатам он и дает ответы на интересующие нас вопросы:

1. Что заставило его поехать в Сербию в 1876 г.

Черняев неоднократно упоминал, что в Сербию он собирался еще в 60-е годы, написав письмо сербскому князю Михаилу, что собирается принять участие в предстоящей войне Сербии с турками. Письмо он передал через сербского военного, Саву Груича, обучавшегося в Михайловской артиллерийской академии в Санкт-Петербурге. Князь Михаил ответил Черняеву официально через российское посольство в Константинополе, которое переслало письмо в российское министер-

²² Ibidem, 272–273.

²³ П. Опачић, С. Скоко, *Српско-турски ратови 1876–1878*, Београд, 1981.

ство иностранных дел, откуда его передали его разгневанному военному министру Милютину. Черняев благодаря заступничеству императора отделался на этот раз за самоуправство довольно легко:

*«Милютин призывает меня к себе с вопросом: «Вы писали письмо?» — «Я писал.» — «Вы, — говорит, — изменник». Тут произошла между нами такая сцена, после которой мы с Милютиным никогда больше не виделись».*²⁴

Свою поездку в Сербию весной 1876 г. он рассматривал как продолжение предшествующей попытки. В начале 1870-х гг. он, как издатель «Русского Мира», разворачивал на страницах газеты агитацию помощи борющимся славянам. С началом Боснийско-герцеговинского восстания 1875 г. он уже намеревался ехать к повстанцам, но получил строгий запрет со стороны Александра II. В Сербию он отправился при поддержке славянских комитетов и лично И. С. Аксакова, фактически нарушив данное императору слово.²⁵ В своих воспоминаниях и письмах Черняев давал понять, что он собирался заставить активизироваться сербов в их подготовке к войне.

Объясняя свое участие в сербо-турецкой войне, в письме к императору Александру II, Черняев писал: «Не победы и славы искал я, становясь во главе мирных пахарей, взявшихся за оружие против в тридцать раз сильнее врага».²⁶

Абсолютно ясно, что поездка в Сербию Черняева не была спонтанной. Он уже много лет наблюдал за ситуацией на Балканах, помещал в своей газете материалы о происходящих там событиях. Те, кто упрекал его в абсолютном непонимании балканской ситуации были неправы. Вопрос только в том, насколько его видение перспектив военного разрешения этой ситуации было оправданным. Нельзя говорить и об авантюристическом характере решения Черняева, напротив это был шаг, который он обдумывал на протяжении многих лет.

2. Чем объясняется его авантюра с провозглашением Милана королем?

Провозглашение королем Милана Обреновича, князя вассальной Сербии, ведущего войну против своего сюзерена – Османской империи,

24 М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*, 28–29.

25 Там же.

26 Там же, 556.

означало признание независимости Сербского государства. Это было уже дело международного плана и международного права и, конечно же, далеко выходило за рамки компетенции русского генерала Черняева. Сербское независимое королевство неизбежно должно было встать под дипломатическую и военную защиту Российской империи, что означало не только возможную войну с Османской Турцией, но и угрозу для России со стороны европейских держав. Это решение Черняева в случае принятия его правительством Сербии означало нарушение статей Парижского трактата 1856 г., по которому судьба Европейской Турции решалась при консультации шести великих держав. Первой из великих держав заявила о своем протесте Австро-Венгрия, и это было только начало возможного европейского противостояния.²⁷ Чем же руководствовался, принимая такое решение генерал Черняев и понимал ли он масштабы последствий своего шага? Сербское правительство и сам князь восприняли решение генерала с недоумением, тем более что провозглашению в Делиграде 4 сентября 1876 г. Милана королем от лица Тимоко-Моравской армии предшествовали сведения с театра военных действий о том, что русские добровольцы намерены отменить сербскую Конституцию. Сербский князь направил Черняеву срочную депешу, что считает недопустимым вмешательство армии во внутренние и внешние дела армии.²⁸ Это не остановило Черняева, утроившего в Делиграде торжество провозглашения, но вовлечь в это Ибарскую и Дринскую армии ему не удалось. Сам Черняев так объясняет свои действия:

Армия не видела пред собою цели для продолжения борьбы. Война была объявлена с целью освобождения братьев — братья не шевелились. Надо было указать такую цель, которая бы льстила всем без исключения, объединила бы все партии и заставила бы всех желать продолжения борьбы. В Белграде не сразу поняли значение этого провозглашения, испугались и приняли полицейские меры, чтобы не дать распространиться движению на Ибаре и Дрине. Мои депешы, извещавшие об этом неподомоственные мне войска, были задержаны.²⁹

27 С. Рајић, *Спољна политика Србије између очекивања и реалности 1868–1878*, Београд, 2015, 474–475.

28 Ј. Ристић, *Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878*, књига прва, *Први рат*, Београд, 1896, 138.

29 М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*, 50.

В своей «Автобиографии» Черняев пишет, что Александр при личной встрече спросил его: «Да, но зачем ты провозгласил Милана королем!? Ты мне наделал этим много хлопот и тревог». «Я не видел другого средства заставить сербов драться. Объявив Милана королем, я показал им эту цель, цель полной независимости Сербии, - ответил Черняев.³⁰

Провокационный характер предпринятого Черняевым провозглашения Сербии королевством поставил сербское правительство и князя Милана в крайне тяжелое положение как внутри страны, так и за рубежом. Даже оправдывающая все действия своего отца Антонина Черняева понимала, что это был безумный поступок:

*«Свои смелые, до безумия, казалось бы, смелые решения как в прошлой своей деятельности, так и в настоящем случае, генерал Черняев предпринимал на основании здравого смысла и по зрелому обсуждению, поэтому препоной, поставленной ему князем Миланом, он был крайне недоволен».*³¹

Это его предприятие вполне соотносилось с политическими взглядами монархиста и консерватора М. Г. Черняева, редактора панславистской газеты «Русский Мир», противника военных реформ Милютин, враждебно относящегося к парламентам и конституциям. Поэтому вполне закономерен следующий вопрос.

3. Как воспринимал Черняев государственное устройство Сербии и ее народ?

Русский генерал М. Г. Черняев, зло высмеянный Салтыковым-Щедриным в «Современной идиллии» в карикатурном собирательном образе полковника Полкана Самсоновича Редеди³² и пустившим в ход насмешливое прозвище для всех ретроградов «господа ташкентцы», не случайно был ненавидим либеральной общественностью России, сторонниками реформ, конституции и парламента. Черняев не скрывал своего отношения к либеральным взглядам и институтам и это отразилось на его отношении к сербской действительности. Особенно его настораживало распространение революционно-демократических идей в Сербии, истоки которых он видел в России;

30 Там же, 31.

31 Там же, 324

32 М. Е. Салтыков Щедрин, Современная идиллия, Санкт-Петербург, 1883, Глава XIII.

«Не могу не сказать мимоходом, что все здешние коммунистические и социалистические движения произведены сербами, воспитывавшимися в России и по преимуществу в духовных семинариях и военных училищах и академиях»³³.

В своем неотправленном письме к императору Александру II Черняев откровенно выразил свое негативное отношение к сербскому парламентаризму, считая его порождением западноевропейского влияния:

«Лучшим доказательством несвойственному, вредному влиянию Западной Европы служит существующая правительственная система страны совершенно чуждая духу её. Я говорю о скупшине. Это учреждение, за которое так ревниво держится нынешняя интеллигенция, не может считаться представительницей желаний и стремлений страны. Народ не ведает и не хочет даже знать решений этого своего так называемого представительного учреждения, и не без причины. [...] Чем же является при таких условиях скупщина? Убогим сколком представительных учреждений Западной Европы, убогою комедиею. Члены этого представительного собрания в большинстве содержатели кабаков / меан – придорожных гостиниц / люди обыкновенно пользующиеся в своем околотке влиянием как посредники торгов, сбытчики продуктов и ростовщики. Значительная часть членов Скупщины совершенно безграмотны, так что протоколы этого законодательного собрания подписываются множеством членов, макая пальцы в чернильницу и ставя знак, под которым писарь проставляет фамилию»³⁴.

Критикуя сербское правительство и скупщину. Черняев вместе с тем высоко ценит сербский народ, который принес колоссальные жертвы во время войны. Утверждая, что «сербский народ послушен и вынослив», и что «в Сербии не существует армии, а есть вооруженный народ», Черняев решительно опровергал обвинения сербов в трусости:

«Нападки на сербов также преувеличены донельзя. Сербы сделали столько, сколько можно требовать от крестьянина, которому вместо лопаты дали ружье. Доказательством могут служить бывшие у меня три роты стоячего войска, из которых я сделал три батальона, взяв

33 М. Г. Черняев, Статьи, письма, воспоминания, 37.

34 Руски добровольци у Србији 1876, 389.

в ряды милиционеров. Несмотря на то, что обученных солдат была только 1/4 часть, батальоны эти дрались превосходно»³⁵.

Этим он отвечал на печальные рассуждения И. С. Аксакова, обвинявшего Сербию в неготовности к войне и негостеприимности к русским добровольцам, а сербских солдат в трусости и дезертирстве:

*«Шила в мешке не утаишь и таких фактов не скроешь, что больше трети ран — в левую руку, что русского с поля сражения уносят не иначе как за высокую плату, что русские нищенствовали, когда сербские офицеры благоденствовали на жалованье, что сербы вообще вели себя постыдным образом в битвах (у меня письмо умиравшего Фермора, описывающее го, как он остался один, и за ним никто не пошел) и проч. и проч.»*³⁶

Печальный итог подвел деятельности славянских комитетов и самого Черняева в сербо-турецкой войне этот известный славянофил и сторонник освобождения южных славян от османской зависимости – И. С. Аксаков в письме к Черняеву:

*«Но я, конечно, не могу иначе, как с грустным и тяжелым чувством, смотреть на результаты всей моей лично и вообще нашей деятельности в 1876 году: вместо спасения Сербии — ее чуть не погубили, треть территории в руках неприятеля, истощение, разорение, позор, вместо “братолюбия” чуть не братоненавидение”, ибо масса возвратившихся добровольцев разнесли по всей России такое презрение к сербам, что теперь большая часть пожертвований присылается с надписью: “Только не сербам”, и дамы, собирающие в кружки, должны прикрывать на кружке имя сербов, оставляя имя болгар, черногорцев, вообще славян, — иначе прогонят их вон! Обаяние русского имени утрачено как в Сербии, так и вообще между славянами, а вне России нет будущности для славянства»*³⁷.

На карьере генерала Михаила Григорьевича Черняева его сербская эпопея отразилась крайне негативно, в военных кругах России его принимали враждебно. Финансовое положение его семьи было незavidным, и он неоднократно обращался за помощью к императору Александру III, а затем и его сыну Николаю II за помощью. Недолгое его пребывание на посту туркестанского генерал-губернатора (1882-

35 М. Г. Черняев, *Статьи, письма, воспоминания*, 69.

36 Там же, 53.

37 Там же, 59.

1884) оставило не лучший след в Ташкенте. Военные министры России, начиная с Д. А. Милютина относились к М. Г. Черняеву враждебно. Разочаровавшись в армии, генерал М. Г. Черняев, завещал похоронить его без военных почестей и даже без генеральского мундира:

*«Похороните меня в одном белье, в простом гробу, без всяких отличий за гробом и на гробе, умаляющих значение смерти, без всяких почестей от войска, которого я сделался пасынком с самого взятия Ташкента».*³⁸

Похороны героя сербо-турецкой войны в его белорусском имении в Тубышках были скромными, из родных были только его брат генерал Николай Григорьевич Черняев с сыном и местные крестьяне. Но, важно, отметить, что:

*«На следующий после отпевания день прибыли из Петербурга сербский посланник С. Груич с военным агентом Христичем и возложили на гроб венок от имени своего народа».*³⁹

38 Жизнь и описание М. Г. Черняева, составленное его дочерью Антониной Михайловной, 403

39 Там же.

СРПСКО-ТУРСКИ РАТ 1876. ГОДИНЕ У ЖИВОТУ И КАРИЈЕРИ ГЕНЕРАЛА М. Г. ЧЕРЊАЈЕВА

Резиме:

Рад се бави личношћу руског генерала Михаила Григорјевича Черњајева и његовом улогом у српско-турском рату 1876. године, са посебним освртом на његово виђење сопствене мисије у Србији. Полазећи од његових аутобиографских записа и преписке, аутори анализирају мотиве његовог доласка у Србију, политичке и војне потезе током рата, као и његове ставове о српском друштву и државном уређењу. Посебна пажња посвећена је контроверзним одлукама, попут проглашења кнеза Милана за краља, као и различитим оценама Черњајева у историографији и јавности. Иако често критикован као неуспешан војсковођа и авантуриста, рад указује на његову искреност, пожртвованост и снажан осећај словенске солидарности. У ширем контексту, Черњајевљева делатност сагледава се као одраз политичких идеја, очекивања и противречности руског и српског друштва у доба Велике источне кризе.